

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-4-570-577

**КНИГА НОВЕЛЛ ЮРИЯ БУЙДЫ «ПРУССКАЯ НЕВЕСТА»:
К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ СЛАВЯНСКИХ И РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЛИТЕРАТУР**

Т. Г. Прохорова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Интертекстуальность, разнообразные диалогические связи с произведениями как отечественных, так и зарубежных авторов – характерная особенность современной литературы. Творчество российского прозаика Юрия Буйды в этом плане особенно показательно. Помимо диалогических связей с русскими писателями, в его прозе неизменно присутствует романо-германский культурный пласт, пока еще не являвшийся объектом специального изучения. **Цель нашего исследования** – выявить характер, формы и функции диалога Ю. Буйды с произведениями романо-германских авторов. **Материалы и методы анализа.** Материалом изучения является книга новелл Буйды «Прусская невеста» (1998). Используются сравнительно-типологический и интертекстуальный методы анализа. **Результаты исследования и обсуждение.** В новеллах, входящих в книгу «Прусская невеста», преобладает диалог с произведениями западноевропейских авторов (Шекспир, Шиллер, Рильке, Г. Бенн и др.), в том числе и с писателями-сказочниками (братья Гримм, Андерсен, Ш. Перро). Диалогические связи с ними обнаруживают себя в форме включенных в текст цитат, аллюзий и реминисценций, порою определяющих характер заглавий, отдельных сюжетных ситуаций, образов героев, а также проявляющихся на мотивном уровне. При этом автор нередко идет по пути намеренной деформации или трансформации известных литературных образов и сюжетов. **Вывод.** В книге новелл Ю. Буйды «Прусская невеста» обращение к «чужому слову» в целом носит метарефлексивный характер. Основная функция диалога с произведениями западноевропейских авторов – философская, связанная с утверждением идеала Целого в разобщенном мире. Ей подчинены сюжетная, характерологическая и композиционная функции.

Ключевые слова: Ю. Буйда, книга новелл, диалог, интертекстуальность, цитата, аллюзия, реминисценция, метарефлексия, Шиллер, Шекспир, Целое

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Прохорова Т. Г. Книга новелл Юрия Буйды «Прусская невеста»: к вопросу о диалоге славянских и романо-германских литератур // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 4. С. 570–577. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-4-570-577>

**THE BOOK OF SHORT STORIES BY YURI BUIDA “THE PRUSSIAN BRIDE”:
ON THE QUESTION OF THE SLAVIC DIALOGUE AND ROMANO-GERMANIC LITERATURES**

T. G. Prokhorova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. Intertextuality, diverse dialogical connections with the works of both domestic and foreign authors are a characteristic feature of modern literature. The work of the Russian novelist Yuri Buida is especially significant in this regard. In addition to dialogical connections with Russian writers, his prose invariably contains a Romano-German cultural layer, which has not yet been the object of special study. **The purpose** of our research is to identify the nature, forms and functions of Yu. Buida's dialogue with the works of Romano-German authors. **Materials and methods of analysis.** The material of the study is the book of short stories by Buida “The Prussian Bride” (1998). Comparative-typological and intertextual methods of analysis are used. **Research results and discussion.** The short stories included in the book “The Prussian Bride” are dominated by dialogue with the works of Western European authors (Shakespeare, Schiller, Rilke, G. Benn, etc.), including with storytelling writers (brothers Grimm, Gauf, Andersen, S. Perrault). Dialogical connections with them reveal themselves in the form of quotations, allusions and reminiscences included in the text, sometimes defining the nature of titles, individual plot situations, images of heroes, as well as manifesting themselves at the level of motive. At the same time, the author often follows the path of intentional deformation or transformation of well-known literary images and plots. **Conclusion.** In the book of short stories by Yu. Buida “The Prussian

bride” the appeal to “someone else's word” is generally metareflexive. The main function of the dialogue with the works of Western European authors is philosophical, associated with the affirmation of the ideal of the Whole in a divided world. The plot, characterological and composition functions are subordinated to it.

Keywords: Yu. Buida, book of short stories, dialogue, intertextuality, quotation, allusion, reminiscence, metareflection, Schiller, Shakespeare, the Whole

The author declares no conflict of interest.

For citation: Prokhorova T. G. The book of short stories by Yuri Buida “The Prussian bride”: on the question of the slavic dialogue and Romano-Germanic literatures. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 570–577. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-4-570-577>

Введение

Среди современных российских писателей, пожалуй, трудно назвать другого автора, для которого, как для Юрия Буйды, был бы столь значим диалог с произведениями романо-германских литератур. Одной из причин такого интереса является биографический фактор: Ю. Буйда родился и вырос в маленьком городке Знаменске Калининградской области, который до Второй мировой войны принадлежал Восточной Пруссии и назывался Велау. Мир чужой культуры, притягивающий своей необычностью, окружал будущего писателя с детства, формируя восприятие реальности и ценностные ориентиры. Неудивительно, что после выхода в свет в 1990-е годы первых произведений Ю. Буйды в критике сразу была отмечена литературоцентричность как отличительная особенность его творчества.

Цель нашего исследования – выявить характер, функции и формы воплощения диалога Ю. Буйды с произведениями романо-германской литературы в одной из ранних книг писателя – «Прусская невеста» (1998).

Методы анализа – сравнительно-типологический и интертекстуальный.

Обсуждение

Исследователи не раз обращали внимание на интертекстуальность прозы Ю. Буйды, рассматривая ее в разных аспектах. Первые критики то иронически называли это качество его произведений «цитатной оргией» [1], то одобрительно оценивали как «раздолье для эрудита» [2, с. 215]. Литературоведы стремились установить связь между характером интертекстуальности и эстетической природой прозы писателя. При этом одни называли ее постмодернистской [3], другие

видели в творчестве Ю. Буйды сложное взаимодействие «первичных» и «вторичных» художественных систем [4]. Ряд работ, в том числе и автора данных строк, был посвящен изучению конкретного реминисцентного слоя в произведениях писателя. Так, исследователей интересовали отсылки к древнерусской литературе в отдельных его произведениях [5]; функции реминисценций Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского – авторов, диалогические связи с которыми прослеживаются на протяжении всего творчества Ю. Буйды [6; 7; 8; 9]. Что же касается диалога с западноевропейской литературой, то этот аспект, чрезвычайно значимый в прозе Ю. Буйды, пока еще мало исследован. Этим и определяется новизна данного исследования. Изучение диалогических связей прозы российского писателя с произведениями западноевропейских авторов – тема весьма обширная, требующая привлечения множества текстов. В данной статье мы остановимся на одной из ранних книг писателя – «Прусская невеста», удостоенной престижной премии имени Аполлона Григорьева в 1998 году, а в 1999-м вошедшей в шорт-лист «Русского Букера».

Результаты

Целостность книги новелл «Прусская невеста» определяется единым местом и временем действия, кругом героев и образом автора, открыто присутствующим на ее страницах. Во всех новеллах действие происходит в родном для Буйды послевоенном Знаменске, куда после депортации немцев в 1948 году приехали русские переселенцы, люди без корней, считающие, что «чужое прошлое им не нужно»¹. Их образ жизни

¹ Буйда Ю. Прусская невеста. М.: Соло, Новое литературное обозрение, 1998. 320 с. С. 7. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

автор характеризует выразительной метафорой: «пахнущая свиным навозом пустота» (с. 55). Но место, где происходит действие, получает у Буйды и другое определение – «заколдованное» (с. 70): герои, чье существование замкнуто узкими рамками грубой реальности, одновременно представлены и как романтические чудачки с детски-наивным взглядом на мир, интуитивно стремящиеся к иным формам существования. Неудивительно, что в этом «заколдованном месте» обыденное соседствует со сказкой и мифом, что закономерно рождает аллюзии к произведениям таких знаменитых писателей-сказочников, как братья Grimm, Андерсен, Шарль Перро, а также к скандинавским и античным мифам. В новеллах появляются свои Золушка («Фарфоровые ноги»), Дюймовочка (Мыня из новеллы «Ванда-Банда»), Беляночка и Розочка («Миленькая и Масенькая»), свои Брюнгильда («Ванда Банда»), Пигмалион и Галатея («Хитрый Мух»). Однако в антикультурном пространстве Знаменска известные сказочные образы приобретают новые имена (чаще клички) и, как правило, абсурдные формы перевоплощения. Например, в роли Пигмалиона выступает «скрюченный человечек с плоской как блин макушкой и косящими глазами (...) – Мухоротов» (с. 19). Этот сторож местного полузаброшенного парка влюбляется в статую – девушку с веслом. Она оживает и проводит с ним ночь. Лишь приняв эту «Галатею» в «свои объятия», Хитрый Мух наконец уразумел, «зачем он живет на этом свете» (с. 21).

Потребность в любви присуща едва ли всем героям «Прусской невесты». Но они живут в мире, где это чувство воспринимается как «что-то вроде уродства», как «горб у красавицы» (с. 77). Неудивительно, что субъекты и объекты любви приобретают здесь подчеркнuto странные обличья. Так, в новелле «Ванда Банда» заглавная героиня напоминает богатыршу Брюнгильду – деву-воительницу из скандинавского эпоса. Еще в детстве она получила прозвище Банда, когда одним ударом свалила десяток хулиганов, забор, возле которого происходило дело, и корову (...)» (с. 76). И эта «самая сильная в мире женщина» (с. 76) полюбила «мужчину тридцатисантиметрового роста» (с. 78). Созданный по закону литоты аллюзивный образ маленького человечка заставляет вспомнить Мальчика-с-пальчика

из сказки братьев Grimm¹. Но одновременно отдельные детали (Мыня был найден в саду «возле свежей кротовины», обнаружив его, Ванда «было подумала, что это крот какой-то неведомой породы» (с. 78)), а также сюжетный мотив свадьбы двух инородных существ (буйдовская «Брюнгильда» выходит за Мыню замуж) позволяют увидеть реминисценцию, отсылающую к сказке Андерсена «Дюймовочка». Тем не менее функции этого образа и характер развития сюжета в новелле Буйды иные. Самими своими размерами образ крошечного, хотя и красивого «всамделишного человека» (с. 78), как будто демонстрирует, сколь ничтожно малое место в уродливом мире Знаменска занимают любовь и красота.

С появлением Мыни в жизнь Ванды вошла «неведомая ей прежде радость» (с. 78). Однако в «пахнущей свиным навозом пустоте» любовь обречена. Закономерно, что Мыня был растерзан черным котом – живым воплощением темной агрессивной стихии, враждебной всему прекрасному. Знаменская богатырша не вынесла этой утраты и умерла.

Размывание границ между грубой обыденностью и сказочным миром чудесного определяется у Буйды точкой зрения, которая организует повествование. В новеллах «Прусской невесты» автобиографический герой-повествователь предстает в двух ипостасях: как подросток, который в противовес убожеству жизни творит свой миф, пересоздавая реальность, превращая монструозных обитателей Знаменска в сказочных, мифологических персонажей, и как человек культуры, философ, который из дали времени всматривается в свое прошлое, соотнося его с настоящим и размышляя о вечном. Благодаря этой двойной точке зрения текст насыщается реминисценциями, аллюзиями, сказочными, мифологическими, философскими подтекстами, раздвигающими рамки повествования в масштабы вечности и позволяющими почувствовать присутствие иного – «прусского времени» (с. 7), оживить его

¹ Разумеется, подобные образы можно обнаружить в фольклоре и литературных сказках разных народов, но, на наш взгляд, в новелле Буйды, действие которой происходит в бывшем Велау, на немецкой земле, соотношение с героем сказки братьев Grimm – мальчиком ростом с мизинчик, более логично. К тому же найденный Вандой тридцатисантиметровый мужчина, как выяснилось, был родом из «деттии» (с. 79). В звучании и в морфологической структуре этого загадочного слова уже обнаруживается связь с миром детства.

и слышать «песнь скорби, которую пела горстка всадников в белых плащах, покинувших дорожную родину и пришедших в Пруссию – страну ужаса, в пустыню, где бушевала страшная война (так писал летописец крестоносцев Петр Дюсбургский)» (с. 7); увидеть, как «сам дьявол в образе чудовищной Рыбы являл свой хребет над равниной Фишес-Графф», ощутить запах дождя, который шел «во всех временах этой вечности» (с. 7).

Важно заметить, что проза Буйды не только интертекстуальна, но и метатекстуальна. «Чужое слово» в его произведениях является формой выражения авторской саморефлексии. Уже первая новелла – «Прусская невеста (вместо предисловия)» – содержит авторские размышления о творчестве, рефлексию по поводу создания текста, объяснение смысла заглавия книги. Автобиографический герой здесь горько-иронически назван «гробокопателем» или «кладоискателем» (с. 7), поскольку он раскапывал «тени и тайны чужого мира, канувшего в небытие» (с. 7). Во время таких раскопок на кладбище он и увидел «прусскую невесту» – девушку в белом платье, сотканном «то ли из паутины, то ли из той материи, из которой кроят крылья бабочек» (с. 5), и сразу превратившуюся в «облако пыли» (с. 6), как только ее покой был нарушен. Этот образ «девочки Пруссии» (с. 7) символически выражает хрупкость границ между Здесь- и Там-бытием и одновременно напоминает о связи между настоящим и прошлым. Символично и то, что девушка названа «именно невестой: не чужой, но и не женой» (с. 8). Она является неким идеальным воплощением любви. По мысли писателя, любовь – та сила, которая способна разрушить преграду между жизнью и смертью, способна воплотиться в животворящее Слово, служа «скрепляющей нас известью» (с. 8).

Размышляя об этом, Буйда включает в свой текст цитаты из произведений целого ряда австрийских и немецких поэтов. У Рильке чувство любви как воплощение идеала Целого передается с помощью слитного написания трех слов: «Ichbinbeidir – Ястобой» (с. 9). Шиллер в оде «К радости» поет гимн божественной силе, способной связать «все, что в мире врозь живет» (с. 9). А Готфрид Бенн, за плечами которого опыт жизни в нацистском государстве, в своем стихотворении «Целое» делает акцент на утопичности этого идеала, что подчеркивается и его композицией: стихотворение построено по принципу ка-

залось («Сперва казалось цели ждать недолго...» (с. 9)) – оказалось («Ни блеска, ни сияния снаружи (...) / Гологоловый гад в кровавой луже, / И на реснице у него – слеза» (с. 9)).

Однако Ю. Буйда, осознавая трагический опыт истории, понимая, что путь к идеалу Целого «лежит через разлад» (с. 9), тем не менее утверждает, что именно этот разлад, «как ни парадоксально, является источником нашего стремления к Целому. Быть может, единственным источником» (с. 9).

В первой новелле, служащей ключом ко всему произведению, Буйда называет писателя «сновидцем», который «живет не в Знаменске или Велау, (...) но в России, Европе, в мире» (с. 8). Это подтверждается и завершающей новеллу шекспировской цитатой, а также комментариями к ней: «“Мы созданы из вещества того же, что наши сны...” Это Шекспир. Кажется, англичанин, что, впрочем, несущественно в мире вечности – в Доме моей невесты...» (с. 9).

Среди новелл, включенных в книгу, особое место занимает «Веселая Гертруда». На фоне других она выделяется уже тем, что переносит читателя из Знаменска в Велау, из мира «пустоты» в мир «Целого», из настоящего в прошлое, в «прусское время».

Заглавие «Веселая Гертруда» воспринимается как аллюзивное, но парадоксально-аллюзивное: с одной стороны, оно, как и целый ряд других новелл «Прусской невесты», построено по принципу номинативных сказочных названий, которые мы часто встречаем, например, у братьев Гримм (ср.: «Железный Ганс», «Ленивый Гейнц», «Верный Иоганес» и т. п.); с другой стороны, имя Гертруда заставляет вспомнить имя матери Гамлета из самой знаменитой трагедии Шекспира, хотя в сочетании с эпитетом «веселая» оно выглядит как оксюморон. В новелле действительно есть место почти сказочным счастливым случаям, мотиву чуда, второго рождения, но здесь действуют отнюдь не сказочные законы. Перед нами произведение, в котором наглядно воплощается идея пути к Целому через разлад. При этом имя «Гертруда» отсылает не столько к конкретному персонажу шекспировской пьесы, сколько является, так сказать, реминисцентным знаком трагедии.

Внутренний философский сюжет и конфликтную напряженность новеллы определяют два понятия – Время и Вечность. Их семантика

раскрывается через взаимодействие шекспировского и шиллеровского мотивов, являющихся в «Веселой Гертруде» сюжетобразующими.

В новелле прослеживается судьба русского офицера и дворянина Сергея Ивановича Ламенне. Действие охватывает приблизительно тридцать лет и начинается 18 марта 1916 года, в тот момент, когда, находясь на русско-немецком фронте, Сергей Ламенне пришел навестить своего друга Мишу Рагозина, был тяжело ранен и контужен. В результате он утратил память и оказался как бы вне времени, не зная, кто он и откуда. Сергея перевели в лагерь военнопленных неподалеку от Велау. Вернуться к жизни ему помогла Гертруда Келлер, чей муж погиб на той же войне. Вдова стала называть его Мишей. А соседи звали его Микаэль Келлер, тем более, что он, как и первый муж Гертруды Гуго, стал часовым мастером. У них родилась дочь Луиза, которая, наблюдая работу отца, говорила, что он «чинит время» (с. 297). В новом имени героя, его новой профессии и в обретенной семье уже выражена идея связи, преодоления «разлада». Этому служит и актуализация шиллеровского мотива. Гертруда учила своего русского мужа немецкому языку, читая с ним Шиллера. В результате, как было отмечено наблюдавшим за ним психиатром, «этот человек, искалеченный войной и утративший родину, сохранил в своем сердце *высшую радость*, даруемую Господом лишь избранным» (с. 297).

Затем в новелле возникает еще одно знаковое имя – Хайдеггер. Оно, как известно, связано с «философией существования», которая явилась своеобразной реакцией на трагические катаклизмы XX века и отразила кризис сознания, дискредитацию понятий добра и зла, возврат человека к «самому себе», протест против «неподлинности» внешнего существования. Эти экзистенциальные мотивы звучат и в прозе Ю. Буйды. В новелле «Веселая Гертруда» они связаны с противопоставлением бесчеловечного времени – вечности, позволяющей человеку вернуться к самому себе. По наблюдению исследователей, «М. Хайдеггер выделил в личном бытии компонент конкретности, обозначаемый как «забота» (отношение, в котором для человека все сводится к его личному бытию). Это понятие охватывает все остальные фундаментальные структуры человеческого бытия» [10]. Характерно, что в новелле «Веселая Гертруда» личное бытие героев, оказавшихся как

бы вне времени, в мире Вечности, представлено как цикличное, повторяющееся: «По воскресеньям Миша с женой и дочкой ходил в церковь, а после обеда они втроем, если позволяла погода, катались на лодке по Прегелю. (...) Каждое утро он находил на тумбочке у изголовья голубую тарелку с алым сочным яблоком. Весь день исследовал серебряную вязь часовых механизмов. Ночью со вздохом облегчения вытягивался на крахмальных простынях, с наслаждением вдыхая запах ромашки, исходящий от Гертруды. Это и была жизнь, это и было счастье» (с. 298).

Заметим, что Буйда в своих произведениях нередко стирает границу между документальным и вымышленным, используя прием мокьюментари. Хайдеггер, якобы изучая случай Михаэля Келлера, сделал следующую запись «в своем интимном дневнике»: «Бытие добра и зла невысказано (...) вне времени, вне истории, тогда как Радость (...) преодолевает длительность и (...) выступает как атрибут вечности. Т. о. К. Михаэль существует одновременно во времени и в вечности, как всякий человек, но его существование осуществляется в форме сновидения, обладающего самодостаточным содержанием...» (с. 297).

Приведенная цитата дополняет содержание шиллеровского мотива «радости», связывая с ним понятия вечности и сновидения и противопоставляя им время. У Буйды «чудо сна» названо «единственной дверью из времени в вечность» (с. 298).

В свою очередь, мотив жизни как сновидения заставляет вновь вспомнить приведенную выше цитату Шекспира из его пьесы «Буря» («Мы созданы из вещества того же, что наши сны...»). Исследователи не раз отмечали, что мотив сна «имеет большое значение для понимания мировоззренческой концепции Шекспира, его творческого наследия в целом» [11]. Он присутствует и в его трагедиях, и в комедиях. В некоторых из них, как, например, в пьесах «Сон в летнюю ночь» и «Буря», мир реальный и мир сновидения как бы перетекают друг в друга [см. об этом 11]. Нечто подобное происходит и в новелле Буйды, в которой мотив сновидности реальности устойчиво связан с образом Гертруды, он словно отмеряет этапы ее жизни. После смерти Гуго «она перестала по ночам видеть сны – теперь они посещали ее днем, затуманивая взгляд калейдоскопом бескостных видений» (с. 296). С появлением в ее жизни Миши и Луизы «бескостные видения»

(с. 297) перестали беспокоить Гертруду. Третий этап ее жизни наступит, когда она вновь останется одна и «чудовища» из сновидений вновь переберутся в ее дневную жизнь. Можно сказать, что Буйда как будто следует путем автора «Гамлета», у которого мотив сна амбивалентен: с ним связана и семантика сладкого забвения, ухода от «моря бед», и мотив «смертного сна», сулящего, возможно, еще более страшные сны, чем земные, в безвестном краю, «откуда нет возврата»¹.

Аналогичную двойную функцию выполняет в новелле и образ яблока. Как известно, это один из древнейших символов, встречающийся и в мифах, и в Библии, и в сказках: если алое яблоко на голубой тарелке, которое Миша каждое утро находил на тумбочке у своего изголовья, – знак жизни, целостности, частичка мира Вечности, то, когда Гертруда остается одна, хотя она по-прежнему «каждое утро ставила на тумбочку у изголовья тарелку с сочным яблоком», оно «сморщивалось и сгнивало, прежде чем она успевала закрыть за собой дверь» (с. 298). Эта трансформация образа со всей очевидностью говорит об изменении семантики значений, о разрушении целостности.

Смерть, разлад, гибельную игру случая несет с собой Время. После того как в марте 1945 года случайным осколком была убита дочь Гертруды и Михаэля, их жизнь резко изменилась. К нему вернулась память, и он вспомнил, что его зовут Сергей Иванович Ламенне, вспомнил себя ребенком: «На рождество мне подарили лошадь с львиной гривой, а потом мы катались в санях» (с. 298). Это детское воспоминание – последний осколок, оставшийся от мира Целого. Далее сюжет движется в обратном направлении, Вечность вытесняется временем.

Прошагав сотни километров, Сергей вернулся на родину, туда, где когда-то находилось поместье, принадлежавшее его семье. В чуде сохранившейся библиотеке он безошибочно нашел том Шиллера и прочел:

Freude, Freude treibt die Rader
In der groben Weltener...

(«Радость двигает колеса / Вечных мировых часов») (с. 299).

Затем поверх немецких строк он различил «полустертую карандашную вязь» (с. 299). Это

¹ Шекспир У. Гамлет, принц датский (в пер. М. Лозинского) // У. Шекспир. Трагедии / вст. ст. и комментари А. Аникста. М.: Правда, 1983. С. 190.

было адресованное ему письмо его младшей сестры, в котором она рассказывает о гибели их семьи, но одновременно, вспоминая строки Шиллера, говорит о своей «вере в то, что Он не оставит (...) эту страну, этот народ и Его радостью соединятся живые и мертвые, правые и виноватые, и мир устоит (...)» (с. 299).

Через несколько часов Сергей Ламенне тоже был арестован и расстрелян как немецкий шпион. Так «бездна времени» (с. 299) поглотила и его.

Гертруда после смерти дочери лишилась рассудка. «Вся ее жизнь сжалась в один день, еще тридцать лет клонившийся к закату. Потешая новых – русских – жителей городка, прозвавших ее Веселой Гертрудой, она часами приплясывала на одном месте, монотонно напевая: «Зайд умшплонген, миллионен...» (с. 299)². Как известно, мотив безумия звучит и в шекспировской трагедии «Гамлет», но здесь он от Офелии переходит к Гертруде, одновременно подчеркивая безумие мира, в котором все ценности искажены. Шиллеровские строки остаются для героини Буйды единственной опорой, позволяющей ей существовать. Они напоминают о той всечеловеческой любви, которая приобщает к миру Вечности.

Но финальный аккорд новеллы вновь привносит свет в этот трагический абсурд реальности: Гертруда «не заметила прихода смерти, открывавшей дверь в мир, где ее ждал Миша, ждал Гуго, ждала Луиза, ждал, наконец, Бог радости, так и не научившийся немецкие сны отличать от русских...» (с. 298).

Так через переплетение шиллеровских и шекспировских аллегорических мотивов в новелле «Веселая Гертруда» выражены авторская устремленность к идеалу Целого, горестное сознание невозможности его достижения в безыдеальном мире, где «распалась связь времен», но далее, по закону отрицания отрицания, этот разлад становится новым источником стремления к Целому.

Выводы

Изучение характера диалога Ю. Буйды с романо-германскими авторами в книге новелл «Прусская невеста» убеждает в том, что он носит метарефлексивный характер и неизменно связан с размышлениями писателя о творчестве, о магии

² Обратим внимание на то, что строки Шиллера здесь написаны кириллицей. Это тоже воспринимается как выраженный графическими средствами знак деформации реальности.

слова, способного служить «скрепляющей извещью», помочь преодолеть душевный вакуум, победить «пустоту». Включение в текст цитат, аллюзий, реминисценций подчинено главной –

философской – функции межкультурного диалога, которой подчинены и сюжетно-композиционная, и образно-характерологическая.

1. Елисеев Н. Писательская душа в эпоху социализма // Новый мир. 1997. № 4. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1997_4/Content/Publication6_5017/Default.aspx (дата обращения: 27.09.2024).
2. Славникова О. Обитаемый остров // Новый мир. 1999. № 9. С. 212–216.
3. Бологова М. А. Современная русская проза: проблемы поэтики и герменевтики. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2010. 383 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-strategii-yu-buydy-po-rasskazu-stvo-prozreniya-germana-neparyu> (дата обращения: 27.09.2024).
4. Сорокина Т. В. Интертекстуальные стратегии Ю. Буйды (на материале рассказа «Ство (прозрения Германа Непары)») // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 2. С. 113–125.
5. Толмачева Е. В. Интертекстуальные связи романа Ю. Буйды «Борис и Глеб» со «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 8. С. 96–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-svyazi-romana-yu-buydy-boris-i-gleb-so-skazaniem-ob-ubienii-daniila-suzdalskogo-i-nachale-moskvy> (дата обращения: 28.09.2024).
6. Дедюхина О. В. Реминисценции Ф. М. Достоевского в рассказе Ю. В. Буйды «Климс» // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2019. № 1. С. 81–90. URL: <https://vestvfu.elpub.ru/jour/article/view/243> (дата обращения: 28.09.2024).
7. Сизых О. В. Реминисценции Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в рассказе Ю. В. Буйды «Карлик Карл» // Вестник СВФУ. 2019. № 2 (70). С. 103–111. URL: <https://vestvfu.elpub.ru/jour/article/view/14> (дата обращения: 27.09.2024).
8. Прохорова Т. Г. Метарефлексивный диалог с Ф. М. Достоевским в малой прозе Юрия Буйды // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 137–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metarefleksivnyy-dialog-s-f-m-dostoevskim-v-maloy-proze-yuriya-buydy> (дата обращения: 27.09.2024).
9. Shalagina O. V., Prokhorova T. G., Shamina V. B., Bogdanova O. V. Yury Buida and Fyodor Dostoyevsky: Types of Intertextual Connections // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. Is. Extra 10. Pp. 107–113. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.4155214>
10. Счастливая Т., Баранникова Д. История становления экзистенциальной психологии // Развитие личности. 2006. № 4. С. 102–128. URL: http://rl-online.ru/articles/fl04_06/582.html (дата обращения 27.09.2024).
11. Дормидонтова О. Развитие мотива сновидения в творчестве У. Шекспира на основе сопоставительного анализа пьес «Сон в летнюю ночь» и «Буря» // Взгляд молодых. Казань, 2003. URL <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/dormidontova-razvitiye-motiva-snovideniya.htm> (дата обращения 28.09.2024).

Статья поступила в редакцию 14.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 19.11.2024 г.; принята к публикации 16.12.2024 г.

Об авторе

Прохорова Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), tatprohorova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Eliseev N. Pisatel'skaya dusha v epokhu sotsializma [The writer's soul in the era of socialism]. *Novyi mir* = New world, 1997, no. 4. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1997_4/Content/Publication6_5017/Default.aspx (accessed 27.09.2024). (In Russ.).
2. Slavnikova O. Obitaemyi ostrov [Inhabited Island]. *Novyi mir* = New world, 1999, no. 9, pp. 212–216. (In Russ.).
3. Bologova M. A. Sovremennaya russkaya proza: problemy poetiki i germenevtiki [Modern Russian prose: problems of poetics and hermeneutics]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 2010, 383 p. (In Russ.).
4. Sorokina T. V. Intertekstual'nye strategii Yu. Buidy (na materiale rasskaza "Stvo (prozreniya Германа Непары)") [Intertextual strategies of Yu. Buida (based on the material of the story "Stem (insights of Herman Nepara)")]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2010, vol. 152, no. 2, pp. 113–125. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-strategii-yu-buydy-po-rasskazu-stvo-prozreniya-germana-nepary> (accessed 27.09.2024). (In Russ.).

5. Tolmacheva E. V. Intertekstual'nye svyazi romana Yu. Buidy "Boris i Gleb" so "Skazaniem ob ubienii Daniila Suzdal'skogo i nachale Moskvyy" [Intertextual connections of Yu. Buida's novel "Boris and Gleb" with "The legend of the murder of Daniil Suzdalsky and the beginning of Moscow"]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* = IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology, 2011, no. 8, pp. 96–100. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-svyazi-romana-yu-buidy-boris-i-gleb-so-skazaniem-ob-ubienii-daniila-suzdalskogo-i-nachale-moskvyy> (accessed 28.09.2024). (In Russ.).

6. Dediukhina O. V. Reministsentsii F. M. Dostoevskogo v rasskaze Yu. V. Buidy "Klims" [Reminiscences of F.M. Dostoevsky in the Yu.V. Buyda's story "Klims"]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* = Vestnik of North-Eastern Federal University, 2019, no. 1, pp. 81–90. Available at: <https://vestvfu.elpub.ru/jour/article/view/243> (accessed 28.09.2024). (In Russ.).

7. Sizykh O. V. Reministsentsii N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo v rasskaze Yu. V. Buidy "Karlik Karl" [N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky Reminiscences in Yu. V. Buyda's short story "Karl the Dwarf"]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* = Vestnik of North-Eastern Federal University, 2019, no. 2 (70), pp. 103–111. Available at: <https://vestvfu.elpub.ru/jour/article/view/14> (accessed 27.09.2024). (In Russ.).

8. Prokhorova T. G. Metarefleksivnyi dialog s F. M. Dostoevskim v maloi proze Yuriya Buidy [Metareflexive dialogue with F. M. Dostoevsky in the small prose of Yuri Buyda]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology, 2014, no. 6 (32), pp. 137–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metarefleksivnyy-dialog-s-f-m-dostoevskim-v-maloy-proze-yuriya-buidy> (accessed 27.09.2024). (In Russ.).

9. Shalagina O. V., Prokhorova T. G., Shamina V. B., Bogdanova O. V. Yury Buida and Fyodor Dostoyevsky: Types of Intertextual Connections. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, vol. 25, is. extra 10, pp. 107–113. (In Eng.). DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.4155214>

10. Schastnaya T., Barannikova D. Istoriya stanovleniya ekzistentsial'noi psikhologii [History of the formation of existential psychology]. *Razvitie lichnosti* = Personality Development. Available at: http://rl-online.ru/articles/rl04_06/582.html (accessed 27.09.2024). (In Russ.).

11. Dormidontova O. Razvitie motiva snovideniya v tvorchestve U. Shekspira na osnove sopostavitel'nogo analiza p'es "Son v letnyuyu noch" i "Burya" [The development of the dream motif in the work of U. Shakespeare on the basis of a comparative analysis of the plays "A Midsummer Night's Dream" and "The Tempest"]. *Vzglyad molodykh* = View of the Young, Kazan, 2003. Available at: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/dormidontova-razvitie-motiva-snovideniya.htm> (accessed 28.09.2024). (In Russ.).

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 16.12.2024.

About the author

Tatyana G. Prokhorova

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), tatprohorova@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.